

Группа людей мгновенно окружила Ян Тяньцы, звуки ударов по телу наполнили воздух. Крики и мольбы Ян Тяньцы смешивались с этим гулом, создавая жуткую атмосферу в уже почти полностью потемневшем вечере.

В это время старая госпожа Ян и дедушка Ян несколько раз пытались оттащить нападающих, но их безжалостно отбрасывали. Увидев, что избиение становится все более жестоким, старая госпожа Ян решила на отчаянный шаг: она села на землю, начала кричать, что здесь убивают людей, и звать на помощь соседей.

Соседи переглянулись. Семья Ян никогда не ладила с окружающими, между ними часто возникали конфликты, и никакой особой дружбы не было. К тому же ситуация явно была не из тех, в которые стоит вмешиваться. Помощь могла остаться незамеченной, а вот ввязаться можно было по полной. Подумав об этом, соседи быстро разошлись по домам, закрывая двери и окна, делая вид, что ничего не видят.

Когда нападающие остановились, на теле Ян Тяньцы не осталось ни одного живого места. Его лицо было залито кровью, и он уже не мог издавать звуков.

Увидев состояние сына, старая госпожа Ян вздрогнула, а затем начала ругать ростовщиков, мужа и невестку. Поскольку первые двое были не самыми удобными мишенями, она направила всю свою ярость на невестку:

— Ты, проклятая! Я знала, что ничего хорошего не выйдет, когда Тяньцы женился на тебе. Ты ленивая, жадная, не умеешь воспитывать детей и ухаживать за свекровью, а теперь еще и подговорила нашего Тяньцы взять деньги у ростовщиков! Что у тебя на уме? Ты хочешь меня сжить со свету?!

Жена Ян Тяньцы тоже не осталась в долгу. Она ткнула пальцем в старую госпожу Ян:

— Я проклятая? А ты, старая карга, не думаешь о том, сколько денег ты транжиришь, ничего не делаешь, только ешь и спишь? Если бы не ты, Тяньцы никогда бы не набрал долгов у ростовщиков! Ты сама виновата, лучше бы ты разбилась насмерть, чтобы хоть чем-то покрыть расходы, чем так долго жить зря!

— Ты, порченная...

— Ты, старая карга...

Они продолжали ругаться, совершенно забыв о лежащем без сознания Ян Тяньцы и о боссе с татуировками, который стоял в стороне, лузгая семечки и наблюдая за представлением.

Ян Шэнмао огляделся по сторонам, не зная, на чью сторону встать, и обратился к дедушке:

— Дедушка, бабушка и мама...

— Не обращай на них внимания, — Дедушка Ян был мрачен. Он посмотрел на кредиторов, затем на окна, за которыми, несмотря на закрытые ставни, явно прятались зеваки, и почувствовал, что честь семьи потеряна окончательно.

Лежавший на земле Ян Тяньцы наконец пошевелился, через несколько секунд застонал, хватаясь за руку. Услышав это, Ян Шэнмао вскочил, но, сделав пару шагов, увидел стоявших поблизости крупных мужчин, отступил обратно и позвал дедушку:

— Дедушка, папа он...

Дедушка Ян поднял руку, прерывая его:

— Твой отец опозорил наш род. Это несчастье, не обращай на него внимания!

— Но... — Ян Шэнмао беспокойно огляделся, не в силах оставить отца в беде.

Дедушка Ян схватил его за руку:

— Это их дела, не наши. Идем!

Он потащил Ян Шэнмао к подъезду, но, не успев войти, был прегражден дорожкой мужчиной с татуировкой. Дедушка Ян, трясась от гнева, крикнул:

— У вас совсем нет совести? Вы хотите устроить жизнь из-за старика и ребенка?!

Мужчина с татуировкой бросил шелуху от семечек и усмехнулся:

— Мне все равно, старик ты или ребенок. Долг нужно вернуть. Твой сын взял деньги, значит, ты, как отец, должен их вернуть. Или он этот сын за тебя платит. Кому мне еще предъявлять претензии, если не вам?

Дедушка Ян поперхнулся от этих слов, дрожащим пальцем указал на мужчину с татуировкой:

— Вы нарушаете закон!

— Расписка вот, — Мужчина с татуировкой помахал бумагой. — Написано черным по белому, даже полиция не отменит долг. Я даю вам три дня. Триста тысяч, ни копейкой меньше. Если не будет хотя бы рубля, я отрублю кому-нибудь из вашей семьи руку или ногу. Сами считайте, сколько у вас в семье рук и ног.

Ян Шэнмао мгновенно вспомнил, как ему днем выкручивали руку, и на лбу выступил холодный пот. Он отступил за спину дедушки, глядя на зверское лицо мужчины, и почувствовал, как страх сжимает желудок.

Он с ужасом осознал: если они не найдут деньги, эти люди на самом деле отрубят им руки или ноги...

Дедушка Ян тоже понял по тону мужчины, что тот не шутит. Он действительно был готов на это. Вспомнив, что все это случилось по вине Ян Тяньцы, он так сильно сжал дверную раму, что рука затряслась. Когда мужчина с татуировкой ушел с людьми, он все еще бормотал:

— Позор на нашу голову... позор... Как я мог родить такое ничтожество...

Ян Тяньцы, поддерживаемый старой госпожой Ян и женой, добрался до дома, но не успел войти, как был остановлен дедушкой Ян, который указал на него пальцем:

— Как ты посмел взять в долг у ростовщиков? И еще триста тысяч! Куда ты их спустил?!

Ян Тяньцы, у которого болело все тело, и который только хотел лечь, прохрипел:

— Папа, я не брал денег, они ошиблись. Пропусти меня, я хочу войти.

— Ты хочешь войти? — Дедушка Ян гневно посмотрел на него. — У тебя есть наглость переступить порог этого дома? Ты знаешь, что эти люди требуют вернуть триста тысяч за три дня, и если не вернешь, они отрубят нам руки и ноги?! Ты хочешь погубить всю семью! И еще смеешь говорить, что хочешь войти?!

— Что?! — Жена Ян Тяньцы вскрикнула. — Папа! Они действительно так сказали?

Дедушка Ян мрачно кивнул:

— Спроси Шэнмао.

Ян Шэнмао, побледнев, утвердительно кивнул. Жена Ян Тяньцы широко раскрыла глаза, а старая госпожа Ян закатила глаза и без чувств рухнула на пол.

— Бабушка! — Ян Тяньцы подхватил ее, глаза его наполнились слезами.

— Отнеси бабушку внутрь, — скомандовал Дедушка Ян. — И, Ян Тяньцы, ты сейчас же пойдешь искать денег. Если найдешь и вернешь долг — welcomed home. Если нет — считай, что у меня нет сына, и Шэнмао тоже отречется от отца. Мой внук еще мал, он не должен остаться калекой.

Ян Тяньцы, и так весь в боли, услышав это, задохнулся от ярости, грудь его дрожащая вздымалась:

— Я же сказал, что не должен денег! Я вообще ничего об этом не знаю! Даже если я должен, разве ты, мой отец, не должен помочь мне?! Как я могу найти триста тысяч за три дня?! Ты что, хочешь смотреть, как я умираю?!

Дедушка Ян не ответил, а просто захлопнул дверь перед его носом и щелкнул замок.

Ян Тяньцы уставился на закрытую дверь, грудь его тяжело вздымалась. Гнев придал ему второе дыхание, и он пнул железную дверь:

— Открой!

Дверь оставалась закрытой, но он упорно пинал ее и кричал. Домашнюю дверь открыть не удалось, но соседи начали открывать свои. Мужчина со второго этажа вышел на лестничную площадку и крикнул вниз:

— Ян Тяньцы, что у вас там за творится? Сначала коллекторы орали, теперь ты. Нам спать надо или нет? У вашей семьи вообще есть совесть?

Сосед из соседней квартиры тоже крикнул через дверь:

— Да, даже если тебя не пускают, не нужно так долбить дверь. Ты только ее испортишь да нам мешаешь.

Остальные соседи, открывшие двери, поддержали их. Ян Тяньцы, с мрачным лицом, обернулся и крикнул:

— Меня не пускают, так и вы не спите! Не нравится — терпите, и не лезьте ко мне с разговорами!

Мужчина со второго этажа разозлился:

— Вот какой ты храбрый, а когда тебя били, почему молчал? Трус, который боится сильных, но обижает слабых — таких мало найдешь. Решил занять у ростовщиков — будь добр отвечать за последствия, сам виноват!

Ян Тяньцы со всей силы пнул железную дверь, эхо прокатилось по всему подъезду. Соседи на мгновение затихли, и в этот момент дверь дома Ян открылась. Старая госпожа Ян схватила сына за руку и втащила внутрь:

— Быстро заходи, отец разрешил.

Дверь дома Ян открылась и закрылась, а соседи, увидев, что наконец-то наступила тишина, тоже разошлись по домам.

<http://bllate.org/book/16728/1538593>